

Тайна пустоши

Радик Яхин

Радик Яхин
Тайна пустоши

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Тайна пустоши / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

Гарай — охотник, привыкший выслеживать чудовищ, — получает загадочное задание: уничтожить «Того, Кто Дышит Под Песком». Отправившись в зловещую Пустошь, он постепенно понимает: мир не так прост, как казалось. Орден Света, которому он служил, скрывает правду о катастрофе, изменившей мир тысячу лет назад, а его цель — не демон-разрушитель, а древний страж, несправедливо заточённый магами.

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Тайна пустоши

Песок помнил каждый его шаг. Он впитывал кровь, пот и отчаяние, становясь тяжелее с каждой милей. Гарай шёл, не чувствуя ног – только жгучую пульсацию в левом плече, где когти того существа разорвали кожу и мясо до кости. В правой руке он сжимал свёрток из грубой ткани. То, что внутри, весило не больше детской руки, но эта ноша тянула его к земле сильнее любого груза. Лапа демона. Доказательство. Трофей, за который заплатят золотом и водой. Он должен был чувствовать триумф. Вместо этого в горле стоял ком, холодный и неумолимый, как сталь его клинка. Пустошь дышала за его спиной. Не ветром – чем-то другим. Медленным, глубоким дыханием спящего гиганта. Гарай оглянулся. Багровое солнце садилось за дюнами, отбрасывая длинные тени, похожие на растянутые пальцы. Тени двигались. Нет, это ему казалось. Усталость. Потеря крови. Галлюцинации пустыни. Он повернулся и зашагал к огням на горизонте. Кер-Тар. Город-призрак. Единственное место, где такие как он могли найти ночлег и молчаливое понимание. Последний огонёк цивилизации перед бескрайним морем песка. Он дошёл до первых развалин как раз тогда, когда солнце коснулось края земли. Каменные обломки бросали синие тени, и в них что-то шевельнулось. Гарай замер. Рука сама потянулась к рукояти меча. Он не был новичком. Он знал, что ночная Пустошь принадлежит другим хозяевам. Но движение прекратилось. Лишь скорпион, чёрный и блестящий, как капля смолы, пересек тропу и исчез в трещине. Гарай выдохнул. Он был почти у цели.

Кер-Тар не встречал гостей. Он просто позволял им войти, как могила позволяет упасть телу. Стены когда-то великого города теперь были грудой камней, скреплённых корнями сухого кустарника и памятью. Улицы, спланированные для парадов и процессий, теперь служили лабиринтом для контрабандистов и беглецов. Гарай шёл по главной артерии, ныне просто углублению в пыли. По бокам мерцали огни – не фонари, а глиняные чаши с ворованным маслом. За каждым светом сидели люди с глазами, уставшими от песка и ожидания. Они смотрели на него без интереса. Охотник с трофеем – обычное дело. Кто-то кивнул. Кто-то отвернулся. Здесь не задавали вопросов. Здесь делились только водой, да и то не всегда. Его пристанищем была полуразрушенная башня на восточном краю города. Когда-то здесь жил страж ворот. Теперь – он. Гарай отодвинул кожаную завесу, заделанную в проём, и вошёл внутрь. Холод камня встретил его, как старый знакомый. Он бросил свёрток в угол, где уже лежали другие – высохшие, забытые. Потом разжёг огонь в яме посреди комнаты. Пламя осветило стены, испещрённые надписями на забытых языках. Он сел, снял ботинки и вытряхнул песок. Потом осмотрел рану. Полоски ткани, которые он наложил утром, пропитались кровью и гноем. Яд. Конечно, яд. У демонов Пустоши всё отравлено. Гарай достал из сумки склянку с зеленоватой жидкостью – антидот, купленный за полцены жизни у знахаря из южных земель. Он вылил средство на рану, стиснув зубы, чтобы не закричать. Боль была яркой, белой, очищающей. Потом наступило онемение. Он перевязал плечо свежей тканью и откинулся на свёрнутую попону. Огонь трещал, пожирая сухой тростник. В его свете свёрток в углу казался больше. Ткань шевельнулась. Гарай прищурился. Усталость. Только усталость. Он закрыл глаза, но сон не шёл. Пустошь дышала за стенами. Он чувствовал это дыхание даже здесь, под трёхфутовой толщей камня.

Его разбудил звук. Не скрип двери – её не было. Не шаги – их не слышно на песке. Это был шелест. Шелест ткани о камень. Гарай открыл глаза. Огонь почти погас, оставив лишь тлеющие угли. В комнате стояла женщина. Она была закутана в чёрное с головы до ног, и лишь полоска бледной кожи виднелась между складками ткани на лице. Её глаза не отражали света. Они были тёмными, как глубина колодца в безлунную ночь. Гарай не двигался. Его меч лежал в трёх шагах. Нож – у бедра. Он мог достать его за секунду. Но что-то удержало его. Женщина

не излучала угрозы. Она излучала холод. Холод древних камней и забытых клятв. «Гарай», – сказала она. Её голос был похож на звук падающего песка. Сухой, безэмоциональный. Он кивнул. «У меня есть для тебя слово». «От кого?» «От тех, кто помнит». Она сделала шаг вперёд. В её руке был свиток. Не бумажный – пергаментный, тёмный, скрученный и перевязанный шнуром из чёрного шёлка. На нём была печать. Круг с семью точками. Печать ордена Семи Звёзд. Гарай слышал о них. Все слышали. Легенды говорили, что они исчезли тысячу лет назад, после Великого Падения. Но легенды часто лгут. «Зачем мне это?» «Потому что ты последний, кто может это сделать». Она протянула свиток. Он не брал. «Что в нём?» «Приказ. И смерть. И спасение. Всё в одном». Её губы, бледные и тонкие, дрогнули. Возможно, это была улыбка. «Возьми. Или откажись. Но если откажешься – Пустошь поглотит тебя к рассвету. Она уже чувствует твою кровь». Гарай посмотрел на свою руку. На тыльной стороне ладони, там, где обычно были только шрамы, теперь проступал слабый синеватый узор. Как прожилки на мраморе. Он не помнил, чтобы видел его раньше. Вдохнув, он взял свиток. Пергамент был холодным, как лёд. Женщина кивнула. «Прочти при лунном свете. Только он покажет правду». И она повернулась, чтобы уйти. «Постой. Кто ты?» Она остановилась у входа. «Я – эхо. Тень воспоминания. И предупреждение». И она растворилась в темноте, как дым от погасшего огня. Гарай остался один со свитком в руках. Лунный свет падал из отверстия в потолке, серебряной монетой лежа на полу. Он развязал шнур и развернул пергамент.

Знаки светились в лунном свете. Они не были написаны чернилами. Они светились изнутри, как фосфор в глубине океана. Гарай знал язык древних. Его отец учил его, сидя у костра в далёкой деревне у гор. Эти письма были старше того языка. Старее самого песка. Но он понимал. Понимал каждой клеткой своего тела, каждым шрамом на коже. «Тому, чья кровь носит печать, тому, кто ходит по краю. Уничтожь Того, Кто Дышит Под Песком. Он пробуждается. Его дыхание уже трясёт фундаменты мира. Его сны становятся явью. Иди к центру. Иди к Сердцу. Убей, пока не поздно. Не ищи имени. Имена дают силу. Ищи тишину меж ударов сердца земли». И всё. Ни описания. Ни карты. Ни награды. Только приказ. Гарай свернул свиток. Его руки дрожали. Не от страха. От чего-то другого. От узнавания. Он смотрел на эти слова и знал, что они правдивы. Значит, то чувство, что преследовало его все эти годы, не было паранойей. Пустошь действительно живая. И она просыпается. Он положил свиток рядом с лапой демона. Два доказательства. Одно – прошлого. Другое – будущего. Что он выберет? Охотник всегда выбирает добычу. Но эта добыча... Она была слишком большой. Слишком древней. Он лёг, уставившись в потолок, где звёзды мерцали сквозь щели. Сон пришёл быстро. И принёс с собой кошмар.

Он стоял на равнине из стекла. Чёрное стекло, гладкое, как зеркало, отражало небо. А небо было разрушено. Трещины расходились от горизонта к зениту, как паутина от удара молота. Сквозь трещины лился свет. Не солнечный. Не звёздный. Чужой. Фиолетовый, ядовитый. Звёзды падали. Не стремительно, а медленно, как пепел после пожара. Они оставляли за собой дымные следы, которые складывались в письма. Те же письма, что были на свитке. И голос. Голос без звука, возникающий прямо в его черепе. «Гарай». Он обернулся. Никого. Только его отражение в стекле. Но отражение было другим. Старше. С глазами, полными того же фиолетового света. «Гарай», – повторил голос. «Кто ты?» «Тот, кого ты должен найти. И тот, кто уже нашёл тебя. Мы связаны. Кровью. Временем. Болью». Стекло под ногами затрещало. Трещины побежали от его ступней. «Что ты такое?» «Страж. Узник. Надежда. И смерть. Всё зависит от выбора». Отражение подняло руку. И Гарай увидел, что на его собственной руке теперь ярко горят синие руны. Они пульсировали в такт чему-то. Медленному. Глубокому. Как сердцебиение. «Иди ко мне. Освободи. Или убей. Но поторопись. Они уже идут». «Кто?» «Те, кто боится правды». Небо раскололось с грохотом тысяч молний. И Гарай проснулся. Он сидел на своей постели, весь в холодном поту. За окном – вернее, за проёмом – начинался рассвет. Небо на востоке было кроваво-красным. И земля под ним дрожала. Лёгкая, едва заметная виб-

рация. Как от далёких шагов гиганта. Гарай посмотрел на свою руку. Руны светились. Слабый, но неоспоримый синий свет. Он поднялся. Время колебаний прошло. Приказ был получен. Сон был подтверждением. Он шёл на охоту. Самую большую охоту в своей жизни.

Перед уходом нужно было проверить запасы. И кое-что ещё. Гарай отодвинул камень в углу башни, под которым хранил немногие ценности. Мешочек с серебряными монетами. Несколько драгоценных камней, выменянных у контрабандистов. Слякки с лекарствами. И книга. Не книга даже – тетрадь в кожаной обложке, потёртой до дыр. Дневник отца. Гарай не открывал его года три. Больно было. Слишком много воспоминаний в этих выцветших чернилах. Но сейчас что-то подтолкнуло его. Он сел у входа, где свет был лучше, и раскрыл тетрадь на случайной странице. Отец писал чётким, угловатым почерком. «...и снова слышу шёпот из-под земли. Маги говорят, что это просто гул подземных рек. Но я знаю. Это голоса. Они зовут. Иногда мне кажется, что я понимаю слова. «Пробуждение». «Руины». «Правда». Сестра Кайла говорит, что я схожу с ума от долгого бдения на границе. Может быть. Но если это безумие, то почему оно кажется таким ясным?» Гарай перевернул страницу. Другая запись, датированная месяцем спустя. «Нашёл странный артефакт у Скалы Плача. Камень с вырезанным символом – круг с семью точками. Прикоснулся к нему, и в голове возник образ: огромное существо, спящее под песком. Не демон. Что-то иное. Оно не злое. Оно... скорбящее. Прятал артефакт. Никому не сказал. Орден не должен знать». Орден. Гарай задумался. Его отец служил в Ордене Стражей Границы – официальной организации, защищавшей окраины цивилизации от угроз Пустоши. Он погиб во время патрулирования. Официальная версия – нападение песчаных пиратов. Но тело не нашли. Только окровавленный плащ и сломанный меч. Гарай всегда сомневался. Он перелистнул ещё несколько страниц. Последняя запись. «Они знают. Приходил инквизитор из центра. Спрашивал про символы, про сны. Я солгал. Но он увидел правду в моих глазах. Завтра меня вызывают в Башню для «беседы». Если я не вернусь, сын, помни: не всё, что скрыто под песком – мёртво. Некоторые вещи просто ждут. И их пробуждение из-под руин изменит всё. Береги мать. И себя. Прости меня». Больше записей не было. Гарай закрыл дневник. Его пальцы оставили отпечатки на пыльной обложке. Отец знал. Знал задолго до того, как свиток попал в его руки. И Орден... Орден что-то скрывал. Гарай сунул дневник в сумку. Он возьмёт его с собой. Как напоминание. И как предупреждение.

Его меч лежал на камне, завернутый в промасленную ткань. Гарай развернул его. Клинок был длинным, слегка изогнутым, выкованным из тёмного металла с вкраплениями серебристых прожилок. Метеоритное железо, как говорил кузнец. Металл, упавший с неба. Отец подарил ему этот меч в день шестнадцатилетия. «Он будет служить тебе верно, если и ты будешь верен правде», – сказал он тогда. Гарай провёл пальцем по лезвию. Холодное, острое. И... пульсирующее? Он присмотрелся. Прожилки на металле светились. Тот же слабый синий свет, что и на его руке. И свет усиливался, когда он направлял клинок в сторону Пустоши. На восток. К центру. Гарай перевернул меч. На рикассо, у самой гарды, были выгравированы мелкие знаки. Он никогда не придавал им значения – думал, это клеймо мастера. Но сейчас, при дневном свете, он увидел, что это те же руны. Круг. Семь точек. И ещё что-то – стилизованное изображение существа с крыльями и множеством глаз. Не демон. Страж. Меч был не просто оружием. Он был ключом. Или компасом. Гарай вложил клинок в ножны и пристегнул к поясу. Тяжесть на боку была привычной, успокаивающей. Но теперь она несла новый смысл. Он собирал остальные вещи: бурдюк с водой, сушёное мясо, верёвку, крючья для скалолазания, аптечку. И последним – свёрток с лапой демона. Он развязал ткань. Сухая, почти мумифицированная лапа была покрыта чёрной чешуёй. Когти, длинные и изогнутые, всё ещё были остры. От неё исходил сладковатый запах разложения и серы. Гарай собирался было выбросить её – теперь она казалась ничтожной в сравнении с новой целью – но остановился. Доказатель-

ство. Пусть будет доказательством того, что он был здесь. Что он сделал хоть что-то перед тем, как уйти в безумие. Он снова завернул лапу и сунул в сумку.

Перед уходом нужна была информация. И в Кер-Таре был только один человек, который мог её дать. Старик Элбрус жил в подземелье под храмом Луны. Говорили, ему было двести лет, и он помнил времена до Великого Падения. Говорили также, что он торговал вещами, которые лучше бы оставались забытыми. Гарай спустился по узкой лестнице, высеченной в камне. Воздух стал холодным и влажным, пахнущим плесенью и ладаном. В конце лестницы горела масляная лампа, освещающая маленькую комнату, заваленную странными предметами: статуэтками с тремя лицами, кристаллами, мерцающими внутренним светом, свитками, написанными на коже неведомых существ. За столом из чёрного дерева сидел Элбрус. Он был худым, как скелет, обтянутым пергаментной кожей. Его глаза, молочно-белые от катаракты, казалось, видели больше, чем глаза зрячих. «Охотник», – прокрипел он. Его голос был похож на скрип ржавых петель. «Я чувствовал твой приход. Ты несёшь на себе печать. И вопрос». Гарай остановился у стола. «Что ты знаешь о Том, Кто Дышит Под Песком?» Старик замер. Его пальцы, похожие на корни, сжались. «Зачем тебе?» «Мне приказано уничтожить его». Элбрус издал звук, похожий на сухой смешок. «Приказано. Кем? Теми, кто носит знак семи точек?» Гарай кивнул. «Глупцы. Они всё ещё пытаются исправить ошибку, совершая новую». Он потянулся к полке, снял небольшой камень, покрытый резьбой. «Смотри. Это – Азраэль. Страж Равновесия. Не демон. Не бог. Существо, рождённое самой землёй, чтобы поддерживать баланс между силами. Тысячу лет назад маги, предки твоего Ордена, решили, что он слишком могущественен. Они боялись. И в страхе своём запечатали его под песками, украли часть его силы, создали из неё своё «Светлое» оружие». Он постучал костяным пальцем по камню. «А теперь он просыпается. И они хотят, чтобы ты добил его. Чтобы скрыть правду навсегда». Гарай почувствовал, как у него похолодело внутри. «Почему ты говоришь мне это?» «Потому что я устал от лжи. И потому что я вижу в тебе не палача, а... искупление. Ты охотишься не на врага, Гарай. Ты охотишься на стража. На того, кто мог бы спасти этот мир, если бы ему дали шанс». Старик откашлялся. «Будь осторожен. Орден наблюдает. Они уже знают, что ты получил свиток. И они не позволят тебе передумать».

«У тебя есть что-то, что может помочь?» – спросил Гарай. Элбрус покопался в ящике стола и вытащил кусок тонкой кожи, испещрённый линиями и значками. «Карта. Неполная. Показывает сеть подземных разломов, ведущих к центру Пустоши. Там, где спит Азраэль. Но предупреждаю: пути меняются. Пески сдвигаются. И не всё, что изображено здесь, является просто туннелем». Гарай взял карту. Линии были выжжены, а не нарисованы. Они образовывали сложный узор, похожий на систему кровеносных сосудов. В центре – большое пятно, обозначенное символом, похожим на глаз. «Как пользоваться?» «Кровь. Капни на карту, и она покажет тебе путь, который актуален сейчас. Но каждый раз, когда ты это делаешь, она забирает часть твоей жизни. Всё имеет цену». Гарай свернул карту и спрятал внутрь туники. «Спасибо». «Не благодари. Лучше вернись живым. И решай сам – убивать или спасать. Мир уже слишком полон слепых исполнителей». Гарай развернулся, чтобы уйти. «И ещё, охотник», – остановил его Элбрус. «Твоя рана. Демон, который ранил тебя, был не случайностью. Он был послан, чтобы пометить тебя. Его яд смешался с твоей кровью. Теперь ты связан с Пустошью. Она будет чувствовать тебя. И ты будешь чувствовать её. Это и проклятие, и преимущество. Используй его с умом».

Когда Гарай поднялся на поверхность, уже стемнело. Ночь в Пустоши наступала мгновенно, как падение завесы. Он направился к своей башне, но, не дойдя ста шагов, почувствовал вибрацию. Сильнее, чем утром. Земля дрожала, как живое существо. Из трещин между камнями стал выползать туман. Не белый, а серо-фиолетовый, плотный, пахнущий озоном и чем-то древним, как пыль на костях динозавров. И в тумане были голоса. Шёпот. Сотни, тысячи шёпотов, сливающихся в один гул. Он не разбирал слов, но чувствовал эмоции: скорбь, гнев,

тоску, надежду. Это были голоса мёртвых. Тех, кто погиб во время Великого Падения. Тех, чьи души не нашли покоя. Гарай замер. Его руна на руке горела теперь ярко, освещая туман вокруг него синим ореолом. Он слышал, как люди в Кер-Таре запирали двери, гасили огни. Они знали этот знак. Это был предвестник. Предвестник пробуждения. Туман коснулся его лица. Он был холодным, но не влажным. Сухим, как пепел. И в нём мелькали образы: лица людей в одеждах, которых не носили тысячу лет; города из белого камня, уходящие в облака; летающие корабли, похожие на птиц из металла. И затем – тьма. Падение. Крики. И тишина. Долгая, беспросветная тишина. Голоса затихли так же внезапно, как и появились. Туман рассеялся, втянувшись обратно в трещины. Дрожь земли прекратилась. Наступила тишина, более гнетущая, чем любой шум. Гарай стоял посреди улицы, один, с горящей рукой и картой, которая жгла его грудь через ткань. Выбора больше не было. Он шёл. Завтра на рассвете. К центру. К Сердцу. К Тому, Кто Дышит Под Песком. И он должен был решить – что он будет делать, когда найдёт его.

Рассвет застал его уже за стенами Кер-Тара. Гарай шёл на восток, ориентируясь по слабому свечению клинка и пульсации руны на руке. Карта, спрятанная за пазухой, молчала. Он ещё не решался активировать её кровью. Цена была слишком неопределённой. К полудню солнце стало палящим врагом. Воздух дрожал над раскалённым песком, искажая горизонт. Гарай шёл, укутав голову тканью, экономя каждый глоток воды. Пустошь говорила с ним на языке ветра, шуршания песка и собственного сердца. Он чувствовал её внимание. Это была не враждебность, а скорее любопытство. Как если бы земля наблюдала за муравьём, решившим пересечь пустыню. К вечеру он достиг колодца, отмеченного на старой пограничной карте. Каменное кольцо, почти засыпанное песком. Вода на дне была тёмной и пахла серой, но её можно было пить после очистки. Гарай опустил кожаное ведро, поднял его, отпил немного, затем наполнил бурдюки. Ночь опускалась стремительно. Он решил переночевать у колодца, под прикрытием полуразрушенной каменной арки. Развёл маленький костёр из сухого кустарника, съел кусок жёсткого хлеба и сушёной рыбы. И только тогда заметил, что он не один. На краю круга света, отбрасываемого огнём, стояла тень. Не его тень. Отдельная, плотная, не колеблющаяся от пламени. Она была человекоподобной, но слишком высокой, слишком тонкой. И у неё было слишком много рук. Гарай медленно положил хлеб, не сводя глаз с существа. Его рука легла на рукоять меча. Существо не двигалось. Не нападало. Просто стояло и наблюдало. Его глаза – если это были глаза – светились тусклым зелёным светом, как гнилушки в лесу. Гарай встал. «Что тебе?» Существо не ответило. Оно сделало шаг вперёд, и Гарай увидел, что у него нет ног – нижняя часть тела состояла из клубка тёмных щупалец, скользящих по песку без звука.

Гарай вытащил меч на полдлины. Синее свечение прожилок усилилось, озарив пространство между ними холодным светом. Существо отпрянуло, но не от страха. Казалось, оно заинтересовалось. Одна из его многочисленных рук поднялась, и длинный, тонкий палец указал на клинок. Потом на руну на руке Гарая. И тогда оно заговорило. Звук не исходил изо рта – у существа его не было. Звук родился прямо в голове Гарая, тихий, шипящий, как песок, просыпающийся сквозь пальцы. «Ты... носишь знак... Крови Стражей». Гарай напрягся. Язык был древним, тем самым, которому учил его отец. Но диалект был ещё старше, архаичнее. «Что ты такое?» «Я – Слухач. Я слышу... шёпот земли. Я слышал твой шаг. Твой... ритм отличается. Ты ищешь Спящего». Гарай кивнул, всё ещё не расслабляясь. «Я должен его найти». «Зачем? Убить? Или... освободить?» Вопрос повис в воздухе. Гарай не знал ответа. «Я ещё не решил». Существо, казалось, оценило честность. «Мудро. Спешка рождает только больше могил. Я могу показать тебе путь. Но не бесплатно». «Что ты хочешь?» «Рассказ. Историю из твоего мира. Мой мир давно умер. Я питаюсь воспоминаниями». Гарай опустил меч, но не вложил в ножны. Он сел у костра, существо осталось на границе света. И Гарай рассказал. О

своей деревне у гор. О матери, умершей от лихорадки. Об отце, который ушёл и не вернулся. О годах охоты, о шрамах, о долгих ночах под чужими звёздами. Он говорил долго, и по мере рассказа существо приближалось. Его зелёные глаза мерцали, будто впитывая каждое слово. Когда Гарай закончил, на востоке уже серело. «Спасибо», – прошептало существо в его уме. «Твоя боль... вкусна. И искренна. Иди на восход. Через три дня пути ты найдёшь каменные пальцы, торчащие из песка. Под центральным пальцем – вход. Но будь осторожен. Те, кто боится пробуждения, уже выслеживают тебя. Они идут по твоему следу. Их сердца бьются в ритме ненависти». И существо растворилось, как тень при появлении солнца. Оставив после себя лишь лёгкий запах озона и чувство, что этот разговор был не совсем реальным.

Гарай осмотрел себя при первом свете. Руна на руке стала темнее, чётче. И она была не одна. На его груди, прямо над сердцем, проступили новые символы. Тонкие, как паутина, синеватые линии, складывающиеся в узор, напоминающий крыло или может быть лист. Они не болели. Не чесались. Просто были. Как татуировка, нанесённая невидимым мастером. Он прикоснулся к ним пальцами. Кожа в этих местах была чуть теплее. Это было подтверждение связи. Связи с Пустошью. Связи с тем, кого он искал. Он вспомнил слова Элбруса: «Ты связан». И слова существа: «Ты носишь знак Крови Стражей». Что, если он не просто охотник? Что, если он – часть чего-то большего? Он снял тунику и осмотрел грудь при ярком свете. Узоры были сложными, красивыми в своей странности. Они пульсировали в такт его сердцу. И когда он положил на них ладонь, в голове возник образ: огромная пещера, полная светящихся кристаллов, и в центре – фигура, скованная цепями из света. Боль. Одиночество. И надежда. Чужая надежда, проникшая в его душу. Гарай отдернул руку, как от огня. Образ исчез. Он быстро надел тунику, скрыв письмена. Это было слишком личное. Слишком интимное. Он не был готов к такой связи.

День прошёл в монотонном марше. Солнце пекло немилосердно. Но теперь Гарай замечал детали, которых раньше не видел. Полосы на песке, показывающие подземные течения. Едва заметные вибрации, предсказывающие песчаную бурю за час до её начала. Шёпот ветра, который теперь складывался в почти различимые слова. «Иди... иди... спеши...» Он чувствовал жизнь под песком. Не богатую, не изобильную, но упорную. Корни растений, уходящие на десятки футов вглубь в поисках влаги. Мелких существ, роющих ходы в прохладных слоях. И что-то ещё. Что-то огромное и древнее, чьё дыхание заставляло песок слегка колыхаться, как грудь спящего гиганта. Во время короткого привала он впервые активировал карту. Уколов палец иглой из аптечки, он уронил каплю крови на кожу. Карта впитала её мгновенно. Затем линии на ней засветились золотистым светом. Некоторые исчезли, другие появились. Образовался чёткий маршрут, ведущий к группе камней, похожих на пальцы. Именно то, о чём говорило существо. И он почувствовал лёгкую слабость, будто какая-то часть его энергии ушла вместе с кровью. Цена. Он свернул карту. Больше не будет пользоваться ею без крайней необходимости.

На третий день пути он увидел на горизонте группу всадников. Они двигались быстро, оставляя за собой облако пыли. Гарай спрятался за дюной, наблюдая. Пять человек в серых плащах, на рослых, поджарых скакунах пустынной породы. На их сёдлах – не традиционные изогнутые сабли, а длинные, прямые клинки. Мечи Ордена. Они остановились недалеко от его укрытия, слезли с коней, изучали землю. Один из них, высокий мужчина с шрамом через глаз, поднял голову и посмотрел прямо в сторону Гарая. Казалось, его взгляд пронзил песок. «Следы ведут сюда», – сказал он голосом, полным гравия и уверенности. «Он где-то близко». Гарай затаил дыхание. Он мог сразиться. Пятеро против одного – плохие шансы, но не безнадежные, учитывая местность. Но драка привлечёт внимание. Или... он мог пойти на контакт. Сказать, что выполняет приказ Ордена. Но он помнил слова отца. Помнил предупреждение Элбруса. Орден лжёт. Эти люди пришли не помочь, а контролировать. Или устранить, если он отклонится от курса. Всадники сели на коней и поскакали дальше на восток, не в его сто-

рону. Они утратили след. На время. Гарай поднялся, отряхивая песок. Он смотрел, как они исчезают в мареве. Нет. Он не присоединится к ним. Его путь – одиночный. Его решение – его собственное. Он поправил сумку и снова пошёл. К каменным пальцам. К входу. К истине, которая, он чувствовал, изменит не только его судьбу, но и судьбу всего мира. Одиночество было ценой свободы. И он был готов её заплатить.

Каменные пальцы оказались не просто скалами. Это были остатки колоссальных статуй, почти полностью поглощённые песком. Из земли торчали лишь кисти рук, сложенные в загадочных жестах, обращённые ладонями к небу. Под центральным «пальцем» – на самом деле указательным пальцем гигантской каменной руки – зияла чёрная расщелина. Воздух из неё выходил прохладный и влажный, пахнувший плесенью и древним камнем. Гарай зажёл факел из смолистого дерева и осмотрел вход. По бокам были высечены барельефы, сильно повреждённые эрозией, но ещё узнаваемые. Изображения существ, похожих на людей, но с крыльями за спиной и ореолами света вокруг голов. Они передавали друг другу какие-то сферы. Над входом на языке древних была выбита фраза: «Здесь запечатана цена гордыни». Гарай глубоко вдохнул и шагнул во тьму. Туннель шёл вниз под крутым углом, ступени, высеченные в скале, были стёрты временем и потоками воды. Он шёл медленно, ощупывая путь факелом. Через несколько минут туннель вывел в огромное подземное пространство. Храм. Круглый зал с колоннами, уходящими в темноту наверху. Стены покрыты фресками, изображающими сцены из жизни древней цивилизации: города в облаках, летающие корабли, люди, общающиеся с животными силой мысли. И в центре каждой фрески – существо, похожее на того, кого Гарай видел во сне: с крыльями и множеством глаз. Оно помогало. Лечило. Учило. Ничего демонического. Напротив, оно выглядело благородным, мудрым. На полу валялись обломки алтаря. На одном из кусков мрамора Гарай разглядел надпись: «Мы, жрецы Семи Врат, признаём свою вину. Мы предали доверие. Мы поддались страху. Да простит нас Азраэль, когда он пробудится».

Гарай двинулся дальше, к арке на противоположном конце зала. Как только он пересёк центр комнаты, раздался низкий гул. Колонны начали поворачиваться, скрипя. Пол под его ногами затрещал. Гарай бросился вперёд, к арке. Из стен выдвинулись каменные шипы. Они двигались медленно, неотвратно, сужая проход. Это была не просто механическая ловушка. В воздухе запахло озоном. Искажения, словно жара над песком, заплескались перед его глазами. Время в ловушке текло иначе. Шипы двигались быстрее, чем казалось. Гарай прыгнул, ударился плечом о камень, прокатился по полу и вылетел в следующий коридор как раз в тот момент, когда шипы сомкнулись с глухим стуком. Он лежал, переводя дыхание. Факел выпал из его руки и погас, оставив его в почти полной темноте. Только слабое синее свечение его меча и рук освещало пространство. Он поднялся. Коридор был узким, низким. И на стенах здесь были не фрески, а царапины. Глубокие, яростные царапины, оставленные когтями или инструментами. И слова, нацарапанные с отчаянием: «Они заперли нас здесь». «Время съедает разум». «Я больше не помню своё имя». Гарай пошёл быстрее. Воздух становился тяжелее. Давление нарастало, как перед грозой.

Коридор вывел в ещё один зал, меньший по размеру. В центре на постаменте стояла статуя. Существо из чёрного базальта, похожее на того, кого он искал. Но с одним отличием: на его лбу была вырезана печать – круг с семью точками. И глаза статуи были пустыми, просто углублениями. Гарай подошёл ближе. Статуя была выполнена с поразительным мастерством. Каждая чешуйка, каждое перо крыльев было проработано. Выражение лица – не гневное, не гордое. Скорбное. Как у существа, принявшего свою судьбу, но не простившего её. Гарай протянул руку, собираясь прикоснуться к печати на лбу. Но перед самым контактом остановился. Инстинкт кричал: «Не надо!» Он опустил руку. И тогда пустые глазницы статуи вспыхнули мягким голубым светом. Из них полился луч, проецируя на противоположную стену движу-

щееся изображение. Сцену. Зал, полный людей в богатых одеждах – жрецов. И перед ними на коленях – живое существо, такое же, как статуя. Оно не сопротивлялось. Один из жрецов подошёл и наложил на его лоб горящую печать. Существо вздрогнуло, но не закричало. Оно просто смотрело на жрецов своими многогранными глазами, и в этом взгляде была такая глубокая грусть, что у Гарая сжалось сердце. Затем изображение погасло. Голос, похожий на далёкий колокол, прозвучал в его голове: «Помни. Свидетельствуй».

Осмотрев зал, Гарай нашёл в нише стены свиток, защищённый стеклянным цилиндром. Стекло было непроницаемым для времени. Внутри лежал пергамент. Гарай осторожно разбил конец цилиндра камнем и извлек свиток. Это был дневник. Последняя запись жреца по имени Каэлин. «Они решили. Верховный Совет постановил: сила Азраэля слишком опасна, чтобы оставаться свободной. Они говорят о балансе, о безопасности. Но я вижу в их глазах жадность. Они хотят эту силу для себя. Сегодня мы совершим обряд запечатывания. Я должен участвовать. Если откажусь, меня уничтожат как предателя. Но я знаю правду. Мы не убиваем его. Мы не можем. Его жизнь связана с жизнью мира. Мы лишь прячем правду. Прячем её под песками, под слоями лжи и страха. И я молюсь, чтобы однажды нашёлся кто-то, кто раскопает эту правду. И исправит нашу ошибку. Прости нас, Азраэль. Мы были слабы». Свиток рассыпался в прах, как только Гарай дочитал последнюю строчку. Пыль осела у его ног. Он стоял, глядя на пустое место в своих руках. Правда. Она была горькой, как полынь. Его предки, те, кого он считал защитниками, были предателями. Ворами. Узурпаторами. А тот, кого он должен убить, был жертвой. Что теперь делать с приказом? С клятвой охотника?

Из зала вёл ещё один проход. Гарай пошёл по нему. Туннель сужался, поворачивал, снова спускался. Воздух становился теплее, влажнее. И появился звук. Низкий, ритмичный гул. Как сердцебиение. Бум... бум... бум... Интервалы были огромными, по несколько минут между ударами. С каждым ударом стены слегка вздрагивали, с них сыпалась пыль. Гарай приложил ладонь к камню. Вибрация проходила сквозь кости. Он чувствовал эту пульсацию и в своей груди. Его сердце начинало биться в такт. Руны на коже светились ярко, почти ослепляюще. Он приближался. К центру. К Сердцу Пустоши. К Азраэлю. Страх уступил место решимости. Теперь он шёл не как палач. И не как спаситель. Пока – как свидетель. Ему нужно было увидеть. Услышать. Понять. И только тогда решить. Туннель закончился внезапно. Перед ним зияла бездна. Мост, который когда-то вёл через неё, рухнул. Оставались лишь несколько каменных выступов, ведущих в темноту вниз. И оттуда, из глубины, поднималось дыхание. Тёплое, влажное, пахнущее камнем и чем-то старым, как сама планета. Дыхание Того, Кто Дышит Под Песком. Гарай сел на краю, свесив ноги в пропасть. Он достал бурдюк, отпил. Вода была тёплой, но освежающей. Он смотрел вниз, в темноту, и слушал сердцебиение земли. И в этом ритме он слышал не угрозу, а печаль. Бесконечную, бездонную печаль.

Он не планировал засыпать здесь, на краю бездны. Но усталость взяла своё – физическая, эмоциональная. Глаза сами закрылись. И сон настиг его мгновенно, как падающий камень. Он не видел себя спящим. Он просто оказался в другом месте. Пещера, но не та, что в реальности. Стены здесь были из кристаллов, излучающих мягкий белый свет. В центре, на камне, похожем на трон, сидело существо. Тот, кого он видел в видениях. Азраэль. Он был меньше, чем Гарай ожидал. Ростом с человека, может, чуть выше. Его тело покрывали переливчатые чешуйки, отливающие синим и фиолетовым. За спиной – сложенные крылья, похожие на крылья летучей мыши, но более изящные, с прожилками света. Лицо... не человеческое, но и не чудовищное. Высокий лоб, глубоко посаженные глаза, сияющие внутренним светом. И множество мелких глазков, расположенных вдоль линии челюсти и на лбу, все они смотрели на Гарая. Он не чувствовал страха. Только тихое, почти благоговейное любопытство. «Ты пришёл», – сказала существо. Его губы не двигались. Голос был внутри, мягкий, бархатный, с лёгким эхом, как звук в пустой раковине. «Я не звал тебя. Но ты пришёл. Это означает, что время близко».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.